

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2023-2024 УЧЕБНЫЙ ГОД
11 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 270 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 100.

Пользоваться можно: бумага, ручка.

I тур.

Аналитическое задание (**на выбор: анализ либо прозаического, либо поэтического текста**)

1. Выполните целостный анализ рассказа В.М. Шукшина (1929–1974) «Дядя Ермолай». Обратите внимание на заглавие, композицию, размышления рассказчика.

Вспоминаю из детства один случай. Была страда. Отмолотились в тот день рано, потому что заходил дождь. Небо – синим-сине, и уже дергал ветер. Мы, ребяташки, рады были дождю, рады были отдохнуть, а дядя Ермолай, бригадир, недовольно поглядывал на тучу и не спешил.

– Не будет никакого дождя. Пронесет все с бурей. – Ему охота было домолотить скирду. Но ... все уж собирались, и он скрепя сердце тоже стал собираться.

До бригадного дома километра полтора. Пока добрались, пустили коней и поужинали, синева напозла, но дождя, правда, не было. Налетел сильный ветер, поднялась пыль... Во тьме трепетно вспыхивали молнии и гремел гром. Ветер рвал, носил, а дождя не было.

– Самая воровская ночь, сказал дядя Ермолай. – Ну-ка, Гришка... – дядя Ермолай поискал глазами, я попался ему. – Гришка с Васькой, идите на точок – там ночуете. А то как бы в такую-то ночку не подъехал кто да не нагреб зерна. Ночь-то... самая такая.

Мы с Гришкой пошли на ток.

Полтора километра, которые мы давеча проскакали мигом, теперь показались нам долгими и опасными.

Гроза разыгралась вовсю: вспыхивало и гремело со всех сторон! Прилетали редкие капли, больно били по лицу. Пахло пылью и чем-то вроде жженным – резко, горьковато. Так пахнет, когда кресалом бьют по кремнию, добывая огонь.

Когда вверху вспыхивало, все на земле – скирды, деревья, снопы в суслонах, неподвижные кони – все как будто на миг повисало в воздухе, потом тьма проглатывала все; сверху гремело гулко, уступами, как будто огромные камни срывались с горы в пропасть, сшибались.

Мы наконец заблудились. Сбились с дороги и потеряли ту скирду, у какой молотили. Их было много. Останавливались, ждали, когда осветит: опять все вроде подсказывало, короткий миг висело в воздухе, в синем, резком свете, и все опять исчезало, и в кромешной тьме грохотали вниз огромные камни.

– Давай залезем в первую попавшую скирду и заночуем, – предложил Гришка.

– Давай, конечно.

– А утром скажем, что ночевали на точке, кто узнает?!

Залезли в обмолоченную скирду, в теплую пахучую солому. Поговорили малость, наказали себе проснуться пораньше... И не заметили, как и заснули, не слышали, как ночью шел дождь.

Утро раскинулось ясное, умытое, тихое. Мы, конечно, проспали. Но так как ночью промочило, наши молотить рано не поедут, мы знали. Мы пошли в дом.

– Ну, караульщики, – спросил дядя Ермолай, увидев нас, мне показалось, что он смотрит пытливо. – Как ночевали?

– Хорошо.

– Все там в порядке? На точке-то?

– Все в порядке. А что?

– Ничего. Спрашиваю... Я посылал, я и спрашиваю. «А что?» – А сам все смотрит. Мне стало не по себе. – Зерно-то целое?

– Целое. – У Гришки круглые, ясные глаза, он смотрит не мигая. – А что?

– Да вы были там?! На точке-то?

У меня заныл кончик позвоночника, копчик. Гришка тоже растерялся... Хлоп-хлоп глазами. Как это «были»?..

– Ну да, были вы там?

– Были. А где же мы были?

Эх, тут дядя Ермолай взвился.

– Да не были вы там, сукины вы сыны! Вы где-то под суслоком ночевали, а говорите – на точке! Сгрёбу вот счас обоих да носом – в точок-то, носом, как котов пакостливых. Где ночевали?

– От... ты чо?

– Где ночевали?

– На точке. – Гришка; видно, решил стоять насмерть.

Мне стало легче.

– Васька, где ночевали?

– На точке.

– Да растудыт вашу туда-сюда н в ребра!.. – дядя Ермолай аж за голову взялся н болезненно сморщился. – Ты гляди, что они вытворяют-то! Да не было вас на току, не было-о! Я ж был там! Ну?! Обормоты вы такие, обормоты! Я ж следом за вами пошел туда - думаю, дошли ли они хоть? Не было вас там!

Это нас не смутило, что он, оказывается, был на току.

– Ну и что?

– Что?

– Ну и ... мы тоже были. Мы, значит, маленько попозже... Мы блудили.

– Где попозже?! – взвизгнул дядя Ермолай. – Где попозже-то?! Я там весь дождь переждал! Я только к свету оттуда уехал. Не было вас там!

– Были ...

Дядя: Ермолай ошалел... Может быть, мы – в глазах его тоже на миг подпрыгнули и повисли в воздухе, как вчерашние скирды и кони, – отчего-то у него глаза сделались большие и удивленные.

– Были?

– Были.

Он схватил узду... Мы – в разные стороны. Дядя Ермолай постоял с уздой, бросил, сморщился болезненно и пошел прочь, вытирая ладошкой глаза. Он был не очень здоровый.

– Обормоты, – говорил он на ходу. – Не были же, не были – и в глаза врут стоят. Штыбы бы вам околеть, не доживая: веку! Штыбы бы вам... Жены злые попались!.. Обормоты. В глаза врут стоят – и хоть бы что! О!.. – Дядя Ермолай повернулся: к нам. Да ты скажи честно: испужались, может, не нашли – нет, в глаза смотрют и врут. Обормоты... По пять трудодней снимаю, раз вы такие.

Днем, когда молотили, дядя Ермолай еще раз подошел к нам.

– Гришка, Васьк... сознайтесь: не были на точке? По пять трудодней не сниму. Не были же?

– Были.

Дядя Ермолай некоторое время смотрел на нас... Потом позвал с собой.

– Идите сюда. Идите, идите. Вот тут вот я от дождя: прятался. – Показал. И посмотрел на нас с мольбой. – А вы где же прятались?

– А мы – с той стороны.

– С какой?

– Ну, с той.

– Да где же с той-то?! Где с той-то? – Он опить стал терять терпение. – Я же шумел вас, звал!.. Я ее кругом всю обошел, скирду-то. А молонья такая: резала, что тут не то что людей, иголку на земле найдешь. Где были-то?

– Тут.

Дядя Ермолай из последних сил крепился, чтоб опять не взвиться. Опять сморщился...

– Ну, ладно, ладно... Вы, может, боитесь, что я ругаться буду? Не буду. Только честно скажите: где ночевали? Не скину по пять трудовней... Где ночевали?

– На току.

– Да где на току-то!! – сорвался дядя Ермолай. – Где на току-то?! Где, когда я... У-у, обормоты! – Он заискал глазами – чем бы огреть нас.

Мы убежали. Дядя Ермолай ушел за скирду... Опять, наверно, всплакнул. Он плакал, когда ничего не мог больше.

Потом молотили. По пять трудовней он с нас не скинул.

Теперь, много-много лет спустя, когда я бываю дома и прихожу на кладбище помянуть покойных родных, я вижу на одном кресте: «Емельянов Ермолай ... вич».

Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. И его тоже поминаю – стою над могилой, думаю. И дума моя: о нем – простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что, был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или – не было никакого смысла, а была работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же и потом других людей... Вовсе не лодырей, нет, но... свою жизнь они понимают иначе. Да сам я ее понимаю иначе! Но только когда смотрю на их холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее? Не так – не кто умнее, а – кто ближе к Истине. И уже совсем мучительно – до отчаяния и злости – не могу понять: а в чем Истина-то? Ведь это я только так – грамоты ради и слегка из трусости – величаю ее с заглавной буквы, а не знаю – что она? Перед кем-то хочется снять шляпу, но перед кем? Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их.

1971

2. Выполните целостный анализ стихотворения К. Капович (род. 1960). Обратите внимание на образную систему, фигуру лирической героини, рефлексию на тему поэзии в поэтическом произведении. Опирайтесь на историко-литературный контекст.

И то, что промолчали облака,
и то, что травы, травы не успели, –
за них я, бестолкова и звонка,
досказывала в мире, пустомеля.

А что я наплела – пойдя пойми:
про ветреного лета фейерверки,
про радостную дружбу меж людьми,
хотя б и разлучёнными навеки.

...И если на своём пустом веку
я набубнила строки в самотёке,
то скоро буду через не могу
чеканить каждый слог, как на уроке.

Так осенью в холодный яркий свет
кричит журавль, кружа над кровлей дома,
и, может, весь поэзии секрет –
сказать, чтобы аукнулось другому.

II тур Творческое задание.

Представьте, что Вы персонаж литературного произведения. У Вас есть возможность изменить один поступок – так, чтобы это изменение могло переменить судьбу героя или героини. (Пример: Базаров, отправляясь на вскрытие, не забыл взять «адский камень», не заразился тифом и не умер в молодости.) Опишите этот новый, измененный поступок и то, какое влияние он оказал на судьбу персонажа. Продемонстрируйте знание текста выбранного произведения и эпохи, в которую оно было создано. Опирайтесь на историко-литературный контекст. Рекомендуемый объем – не менее 250 слов.